

Н. Ланг

Откройте небо в себе

12+

Н. Ланг

Откройте небо в себе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38739995

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-11563-7

Аннотация

Рассказ о мужестве и безграничной воле к жизни. Юный Максим Голубев после автомобильной аварии, унёсшей жизнь отца, становится инвалидом. Ему предстоит пережить насмешки сверстников, обрести первую любовь, осуществить свою мечту и одержать главную победу в жизни – победу над самим собой.

Содержание

Пробуждение	5
Новый дом	26
Лицей	30
Мечта	37
Неожиданность	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Н. Ланг

Откройте небо в себе

Как мало надо человеку, чтобы почувствовать себя счастливым, и как много, чтобы не чувствовать себя несчастным!

В. Туровский

Пробуждение

Обрывки фраз, доносившиеся до моего слуха, проплывали, точно облака по небу моего сознания. Неразличимые и непонятые, таяли где – то вдалеке у самого горизонта, там, где разум сливался с подсознанием. Как же мне хотелось открыть глаза и сказать, чтобы прекратили шуметь. Я не мог различить, кто говорил, но каждое слово, произнесённое этим высоким женским голосом, заставляло меня все быстрее всплывать на поверхность из глубин болезненного сна. Я пытался открыть глаза. Но веки мои, казалось, кто-то склеил. И снова умиротворение, и покой. Я погружался глубже и глубже.... Прямо в бездну, в безмятежность. Ещё немного и она совсем поглотит меня и раздавит.

– Ходить... никогда, – опять, словно сквозь толщу воды, я слышу этот надоедливый голос. И потом звук, похожий на всхлип. И ещё это пиканье. Какое-то странное пиканье сопровождало меня на всем пути. Лёгкое шуршание одежд. Кто-то хлопнул дверью так сильно, что моё сознание взорвалось и разлетелось на мелкие части. Затем воцарилась тишина, несущая уже знакомое и такое приятное спокойствие. Кажется, прошла целая эпоха, нет эра умиротворения.

У меня не было тела, но я мог объять весь мир. Я имел возможность быть в любом месте, где только пожелаю. Я чувствовал себя невесомым лёгким облаком. Внезапно, имен-

но так молния делит грозовое небо на две половины, кто-то коснулся моей руки, отчего по телу прошёлся электрический ток. О нет, только не вырывайте меня из мира гармонии. Но было поздно.

Я с трудом открыл веки. Яркий белый свет ослепил меня. Где я? Сквозь пелену, что застилала глаза, я смог разглядеть чьи-то очертания. Кажется, это была женщина. Мама? Возможность видеть давалась мне с трудом. Я закрыл глаза. Снова стало темно и тихо.

– Максим, – ласково прошептала она, и её тёплая нежная рука коснулась моих неподвижных пальцев.

Да, это была мама. Я снова, усилием воли заставил себя разомкнуть веки. Свет резал глаза, отражаясь от белых стен. Наверное, весь мир окрасился в белый. Я понял, это больничная палата, а я – пациент. Наконец, получилось сфокусировать взгляд, и белоснежная дымка исчезла. Теперь я смог увидеть маму. Пожалуй, она состарилась. Обозначились морщины у глаз, в уголках рта пролегли скорбные складки. Она с грустью смотрела на меня. Медицинский халат, накинутый на плечи, придавал её лицу благородную нежность.

– Мам, – тихо сорвалось с моих губ.

– Тсс, – она ласково улыбнулась мне. Одинокая слеза скатилась по её щеке, но мама быстро смахнула слезинку дрожащей рукой. – Отдыхай!!

Я вновь устало закрыл глаза, не ощущая своего тела. Весь

мой дух, сама жизнь, казалось, переместилась в голову. Мама ещё что-то говорила и бережно касалась моей руки, гладила голову, ласково дотрагиваясь до волос.

– Врачи обещают, что ты скоро поправишься, – с надеждой в голосе сказала мама. Я ничего не ответил.

Жизнь в больнице текла своим чередом. Медсестра раздавала пациентам лекарства. Она неторопливо толкала перед собой тележку, набитую доверху всякими мерными стаканчиками, градусниками и прочими медицинскими препаратами. Колёсики старой тележки лениво скрипели. И этот тихий скрип взбудоражил мою безжалостную память.

Визг тормозов, скрежет скользящего по асфальту металла, искры. Отец, сидевший на водительском кресле, что-то крикнул мне. Тут нас ослепил свет фар, и резкий толчок выбросил меня из машины через лобовое стекло. Сознание недолго было при мне. Я не видел, что стало с папой.

– Как отец? – я задал вопрос, который так волновал меня.

Всей душой я хотел верить, что с ним всё в порядке. Но противный холодок страха уже сжал моё сердце. Я быстро понял, что моим надеждам суждено потерпеть крах. Мама пыталась сдерживаться, как могла, но её губы предательски задрожали.

– Он погиб сразу же. Мы похоронили его несколько дней назад, – стараясь не смотреть в мою сторону, ответила мама.

Мой мир разбился на тысячи мелких осколков, которые теперь будет трудно собрать. Единственное, чего мне хоте-

лось – встать и бежать, бежать, бежать. Скрыться от боли, что с этого мига поселилась в моей душе. Я дёрнулся, пытаюсь встать, но не почувствовал ног. Я попробовал пошевелить пальцами на ногах. Ничего не вышло, я даже не чувствовал, что у меня есть пальцы. Вдруг бросило в жар. Вид у меня был такой испуганный, что мама встрепенулась.

– Мама, я не чувствую ног, – я старался говорить как можно спокойнее, но дрогнувший голос выдал моё отчаяние.

– Доктор сказал, что ты... пока, – она опустила глаза. Её слёзы капали на белые больничные простыни и быстро растворялись на них, оставляя мокрые следы. – Ты пока не можешь ходить. Тебе сделали операцию. Повреждён позвоночник. Но я думаю, что это временно, мы что-нибудь придумаем.

Каждое её слово звучало для меня как жестокий приговор. Что тут придумаешь, мама? Я закрыл глаза, чтобы не видеть её жалость и слёзы. Я уже не слушал бессвязное бормотание и всхлипы мамы. Где же ты, моя безмятежность? Я жду тебя, как избавления. Я считал минуты, секунды. Моё ожидание было недолгим. Чёрная бездна, наконец, поглотила мой разум.

Долгие три месяца я провёл в больнице. Всё лето псу под хвост. Дни казались мне одинаковыми. Бесконечные процедуры и упражнения. Я ежедневно массировал мышцы ног, но чувствительность так и не вернулась. Мы с мамой не опускали рук, но врачи давали пессимистические прогнозы. Но

мы верили, что я встану. Я когда-нибудь встану. В одну из минут отчаяния я поклялся, что непременно встану.

Однажды ночью мне снился отец. Мы были с ним на рыбалке. Папа поймал огромного карася, а я маленького леща, потом мы варили уху. Её аромат разносился по всей поляне, где мы остановились. Как жаль, что этого не случилось. Мы так и не добрались до этого проклятого озера. Я боялся просыпаться, так хотелось, чтоб это было реальностью. Как же могло это произойти со мной?

Утром врач сообщил, что меня выписывают. Мама, бог знает, откуда, достала инвалидное кресло. Оно было обычным, даже без электропривода. Наверное, я буду с трудом передвигаться без посторонней помощи.

Я оттягивал тот момент, когда мне следовало сесть в инвалидную коляску. Для меня это означало конец всем надеждам и мечтам. Что могло быть ужаснее?

– Максим, давай садись в кресло, – ласково сказала мама. Она заметно похудела, кофта и брюки висели на ней, как балахон.

– Я не хочу, – моё сердце колотилось у самого горла. Никто на свете не мог понять, как страшно в юности стать инвалидом. Я смотрел на инвалидное кресло с таким ужасом, словно это электрический стул.

Санитар нетерпеливо вздохнул. Видимо, ему хотелось поскорее уйти на обед.

– Максим, будь умницей!!! – мама умоляюще посмотрела

на меня.

Я понимал, что пришло время покинуть больницу, вновь вернуться в реальный мир, поэтому согласился. Мне было жаль мать.

Ловкий санитар и мама подхватили меня за руки и быстро усадили в коляску. Я даже немного удивился, откуда у моей мамы, казалось бы, хрупкой женщины столько сил.

До дома нам предстояло добираться на социальном такси. Когда я увидел газель, на которой были нанесены контуры человека сидящего в инвалидном кресле, я испытал новый шок. Вновь визг тормозов и скрежет металла. Я боялся садиться в машину. И хотя на мне был надет шерстяной свитер и тёплые брюки, а мама закутала меня в плед, я дрожал, как будто замерз. Моё сердце билось под стать барабанной дробы на казни преступника. Моего согласия не спрашивали. На специальном подъемнике для инвалидных кресел, меня подняли в салон.

Весь путь мы провели в тягостном молчании. Мама не находила, что сказать, и только украдкой обеспокоенно смотрела на меня. Я закрыл глаза и представил, что мы с папой едем на рыбалку. Сейчас я их открою, и инвалидная коляска растворится как дым. Мама ждёт нас дома, а я буду с папой в машине. Мы въезжаем на поляну, ведущую к озеру.

Но яркий свет проник сквозь веки, ослепил меня и заставил открыть глаза. Мама по-прежнему сидела рядом со мной, только теперь устало глядела в окно. А я всё так же не

чувствовал своих ног.

Уже показалась кровля серого дома. На этой крыше мы с ребятами в детстве нередко гоняли голубей.

Попасть в квартиру будет сложно. Ведь восьмиэтажное блёклое здание, что было моим пристанищем, не имело не то, что пандуса, даже лифта. Теперь, когда я пересел в коляску и стал ниже, этот дом, словно нависал надо мной серой неприглядной громадиной и всё больше напоминал тюрьму.

Тем временем машина, доставившая нас, уехала, оставив после себя легкое облако пыли. Я растерянно посмотрел на маму. Она лишь улыбнулась мне, и смело вскинула голову, принимая этот вызов судьбы.

Кое-как мы преодолели лестницу, ведущую на крыльцо. Однако все трудности были ещё впереди. По не писаному закону подлости мы жили на самом верхнем восьмом этаже. Я всегда любил смотреть с лоджии вниз на землю. С высоты люди казались такими крохотными. Сейчас же я хотел превратиться в крохотную пушинку и облегчить маме труд. Но я не знал чем помочь и от этого чувствовал себя никчёмным. Это всепоглощающее чувство захватило мой разум. Попытки самостоятельно управлять коляской были неудачными. Я видел, как мама сдерживала слёзы. Мы поднимались очень медленно. Мама рывками толкала коляску по широким ступеням. Я слышал её тяжёлое дыхание, и в один момент мне даже показалось, что она хочет всё бросить и убежать.

Преодолев это адское испытание, мы оказались у две-

рей квартиры. Мама пыталась открыть дверь, но дрожавшие пальцы не слушались её. Ключ выпал у неё из рук. Это стало последней каплей. Мама согнулась так, точно кто-то сломал её пополам и зарыдала.

Я ещё никогда не видел, чтобы она так плакала. И вообще никогда не видел настоящих женских слёз. Нет, девчонки из школы иногда плакали по пустякам, но мамины слёзы были другие – тяжкие слёзы горя. Я не знал, что полагается делать в подобных случаях. Оцепенение овладело мной. А мама стояла на коленях у дверей, не в силах открыть замок, и плакала.

Я поднял ключи с пола. Их металлический холод вернул мне способность мыслить. Я быстро справился с замком и рывком распахнул двери.

Мама, наконец, успокоилась и встала. Она торопливо вытерла слёзы, будто бы стеснялась их. Мы немного замешкались на пороге. Ведь будь я здоровым, я бы запросто перешагнул через него. С коляской же нужно научиться справляться.

Запах царивший в квартире и вся обстановка живо напомнили мне о том, что произошло. Я ждал, что навстречу нам выйдет отец. Скажет маме что-нибудь, отчего она рассмеется так светло и ласково. Однако в гостиной на горке сиротливо стоял портрет отца в рамке с траурной лентой на уголке. Ком подступил к горлу. Я не должен плакать.

Сняв плащ и туфли, мама пошла на кухню, а я остался

один, предоставленный сам себе. Я с трудом попал, именно попал, в свою комнату. Порог был главным препятствием на моём пути. Отчего – то я ждал изменений в обстановке комнаты. Ведь моя жизнь теперь изменилась, и я был уверен, что мир вокруг тоже должен был измениться. Однако всё было по-прежнему, все вещи на том месте, где я их оставил в последний раз. Хотя комната мне показалась мрачной. Наверное, потому что окна закрывали тяжёлые шторы и только сквозь узкий зазор проникал тусклый свет.

Мне захотелось раскрыть шторы. Смогу ли? Я осторожно подъехал к окну и распахнул шторы. Комната ожила, и вещи приобрели прежние краски. Мама шумела на кухне, наверное, что-то готовила. Я выглянул в окно. На спортивной площадке рядом с нашим домом, ребята играли в баскетбол. Я знал их с детства. Не то что бы мы были хорошими друзьями, но все же часто играли вместе в спортивные игры. Я очень любил баскетбол и считал, что неплохо играю. Но Олег, так звали лучшего игрока, часто обыгрывал меня. Вот и сейчас он закинул мяч в корзину Лёшки. Лёха злился. Он не умел проигрывать.

Я вдруг почувствовал изнеможение. Катить коляску к кровати мне было тяжело. Руки очень уставали. Вот я у цели. И как мне теперь перебраться на кровать? О чёрт, это оказалось труднее, чем я думал. Я неловко перенёс туловище на кровать и попробовал подтянуться. Руками я цеплялся за плед, которым была накрыта кровать. Коляска от моих потуг

отъехала и ударилась о компьютерный стол, отчего сувениры, что стояли на нём, с грохотом упали на пол.

«Ну вот, сейчас мама примчится!» – вздохнув, подумал я и забрался на кровать уже полностью.

Когда я перевернулся на спину и принял удобное положение, в комнату вбежала обеспокоенная мама.

– Что случилось? – она посмотрела на меня, затем перевела взгляд на инвалидное кресло, стоявшее у компьютерного стола.

– Жизнь случилась!!! – тихо ответил я.

– Ты бы мог позвать меня.

– Я не хотел отвлекать тебя.

– В следующий раз обязательно зови, – настойчиво сказала она и подкатила коляску к кровати.

Я лишь упрямо поджал губы, наблюдая за тем, как мама поднимает с пола упавшие вещи.

– Ты есть хочешь? Я принесу сюда, – предложила мама, возвращая часы на компьютерный стол.

– Нет, – отвернувшись к стенке, ответил я.

– Но ты должен питаться! – продолжала настаивать она.

– Мама я не голоден!!! – раздраженно вскричал я. – Иди, я хочу побыть один!

Она сделала шагок в мою сторону, но мой взгляд полный злости остановил её. Мама всё поняла без слов и тихо ушла, оставив дверь открытой.

Сон не шёл. Я считал от единицы до тысячи и обратно,

представлял овец чёрных, белых, белых в чёрное пятнышко, чёрных в белое. Гнетуще низкий потолок нависал над мрачными мыслями, которые я старательно отгонял от себя. Если бы отец был жив, он бы непременно что-нибудь придумал. Потолок всё ниже и ниже. Ещё мгновение и он раздавит меня. Кажется, до моей кровати оставалось всего каких-то пять сантиметров. Я чувствовал его тяжесть. И вот он рухнул, накрыв густым мраком.

Я веду мяч к корзине. В спортивном зале напряжённое безмолвие, слышно лишь щёлканье затвора фотоаппарата. Болельщики замерли в ожидании броска. Я послал мяч в корзину. И....

Кто-нибудь выключите этих птиц!!! Они так громко поют, что мешают мне спать.

– Максим, вставай!! – мама ласково гладила мои волосы.

Я так не хотел просыпаться. Ведь во сне я здоров. А здесь в реальности мои собственные ноги меня не слушались.

Но я поднялся, мама помогла мне перебраться в инвалидное кресло. За завтраком мы не проронили ни слова. Я нарушил молчание лишь тогда, когда мама принялась мыть и составлять посуду:

– Мам, ты почему не на работе? – я посмотрел на часы. Был разгар рабочего дня.

– Я взяла отпуск за свой счёт, – она на мгновение замерла с тарелкой в руках.

– А как я теперь буду ходить в школу?

Действительно как? Я не любил школу с её глупыми правилами, но там у меня остались друзья. Мама долго думала, что сказать. Она, словно боялась этого вопроса.

– Максим, дорогой, через несколько недель... – она взяла паузу, я чувствовал, что каждое слово давалось ей с трудом. – Я перевела тебя в другую школу. Нам придётся переехать в другой район, поближе к той школе. Я уже договорилась о жильё. Там хорошо, тебе понравится. Школа приличная.

– Но я не хочу в другую школу. С чего ты взяла, что мы должны переехать! – я вдруг перешёл на крик. Мне действительно не хотелось переезжать, к тому же менять школу. Ведь до окончания учёбы оставался только год. И здесь многое напоминало об отце.

– Максим, ты должен понять, нам будет очень трудно спускаться с восьмого этажа. Да и школа эта не приспособлена... – тут она замялась, боясь произносить это слово.

– Для инвалидов, – я продолжил за неё.

– Максим, ты должен понять, – вновь повторила мама и подошла ко мне.

– Мама, я всему научусь, научусь управлять этой проклятой коляской. Научусь ходить заново, только, пожалуйста, давай останемся здесь, – я не заметил, как моя речь переросла в рыдания и стала бессвязной. Мама бросилась ко мне и обняла.

– Всё будет хорошо, всё наладится, – приговаривала она.

Прошло несколько дней. Несколько серых, наполненных

отчаянием дней. Мама собирала вещи и раскладывала их по коробкам. Она несколько раз уезжала, чтобы отвезти коробки в новую квартиру.

Я пытался представить, что где-то есть параллельная вселенная, где всё по-другому и папа жив. Интересно, какими бы мы были и чем бы я там занимался?

Каждый день я повторял одно и то же заклинание, которое придумал не так давно – пошевели большим пальцем на правой ноге, пошевели большим пальцем на левой ноге. Я так хотел, чтобы это незамысловатое колдовство сработало. Но пальцы на ногах оставались неподвижными.

Мы часто ездили в реабилитационный центр. Медицинский персонал клиники уже привык ко мне. Врачи говорили, что моему упорству можно позавидовать. Мама по несколько раз в день делала мне массаж, растирала мышцы. Будто это чем-то могло помочь. Однако она не теряла надежды.

Я маялся со скуки. Пытался читать книги, но ни Достоевскому, ни Толстому надолго не удалось увлечь меня. Ежечасно я выглядывал в окно. Жизнь продолжалась. С деревьев весело кружась, слетали листья. В воздухе носились, задорно щебеча стайки птиц. Люди по – прежнему были заняты только своими делами. Встречались, влюблялись. Я же боялся, что жизнь пройдёт мимо меня.

Мама видела моё состояние и хотела, чтобы я хоть как-то развеялся. Она попросила соседа помочь спустить меня на прогулку. Сосед, надо сказать, был пьющий. Я, кажется,

никогда не видел его трезвым. Он охотно согласился оказать нам помощь. Я ощутил запах алкоголя, когда он наклонился, схватившись за ручки моего кресла. От его засаленной старой одежды несло табаком. Соседа мучило похмелье. Он что-то говорил моей маме, а она лишь рассеяно, кивала и вежливо улыбалась.

Наконец-то я на улице. Свежий осенний ветер легко коснулся моего лица. Я почувствовал прилив сил. Краем глаза я видел, как мама предложила соседу деньги, но он отказался.

Было прохладно, но солнечно. Мама тихонько катила коляску. Прохожие смотрели на нас кто с любопытством, кто с жалостью. Жалость – то самое чувство, которое я возненавидел.

Я попросил маму отвезти меня на спортивную площадку, которая пустовала. Ребята, наверное, были в школе. Мне это понравилось. Я бы не выдержал ещё одного жалостливого взгляда.

– Ты хочешь погулять здесь? – спросила мама.

– Да, ты можешь идти, собирать вещи, – в моём голосе звучала обида. Я всё ещё не смирился с мыслью о переезде.

– Как я могу оставить тебя одного? – возмутилась она.

– Оставь меня в покое, – упрямо и зло проговорил я.

Она обиженно посмотрела на меня. Но больше всего на свете я мечтал об одиночестве. Без жалости и заботы.

– Если что, сразу звони, – она вложила мне в руки мобильник и покинула меня.

Я долго смотрел маме в след, пока она не превратилась в крохотную точку у большого серого дома, затем выехал в центр площадки и огляделся. У грубо выструганной деревянной скамьи лежал мяч. Я схватил его. Ещё раз, осмотревшись и убедившись, что никого нет, я решил попробовать смогу ли играть. Первые попытки принесли неудачу. Мне было трудно отбивать мяч от асфальта и одновременно катить коляску вперед. Однако во мне проснулось упорство, и я продолжал. Не сдаваясь, я вёл мяч к корзине. Он был послушен моим рукам. Впервые за эти дни я почувствовал радость, от того, что бросил мяч в кольцо. Он описал круг по кромке кольца, но в саму корзину не попал. Я не расстроился. Но у меня ещё будет шанс забить гол.

– Круто!!! – чей-то голос за моей спиной заставил меня вздрогнуть. Я повернулся и увидел Олега, парня из баскетбольной команды. Он показался мне великаном. В его серых глазах мелькнуло какое – то чувство. Жалость? Я нахмурился. Неужели это мерзкое чувство станет теперь моим постоянным спутником.

Олег взял мяч и сделал пас мне. Я немного удивился, но успел поймать мяч. Снова кинул его в корзину. На сей раз, я сумел забить. Это был трёхочковый.

– Красавчик!!! Дай пять!! – он схватил меня за руку и хлопал по плечу. – Как ты?

Олег вдруг стал серьёзным.

«Как я? Что не видно, чёрт побери. Вальс танцую» – по-

думал я и бросил угрюмый взгляд на Олега.

– Порядок, – вслух, без выражения сказал я. – Мама только волнуется.

Мяч снова оказался у Олега в руках, и он уверенно вел его к корзине.

– Мамы, они такие, – с улыбкой ответил Олег и кинул баскетбольный мяч в кольцо. Бросок получился удачный.

Мы ещё поговорили немного ни о чём существенном. Олег достал сигареты из кармана и закурил. Было видно, что он стесняется спросить смогу ли я ходить. Мне же неловко было при нём звонить маме с просьбой, чтобы она забрала меня. Поэтому решил сам доехать до подъезда, а там уже позвать её. Когда я направился к выходу, Олег окрикнул меня:

– Давай, я тебя провожу!

Не дождавшись ответа, он схватил коляску за ручки. Не зная, как реагировать, я почувствовал себя неудобно.

– Когда ты вернёшься в школу? – спросил Олег, толкая кресло вперёд.

Больше всего на свете я боялся этого вопроса, поэтому медлил с ответом.

– Я перевожусь в другую школу. Мы переезжаем завтра в другой район города, – мой голос звучал глухо и расстроено.

– Нам будет не хватать тебя. Ты заглядывай в гости иногда! – ответил Олег. Этих слов я меньше всего ждал от него и был ему благодарен.

Мы быстро преодолели крыльцо и все восемь этажей. Это

неудивительно Олег – сильный тренированный парень. На прощание он сказал, что уважает меня.

– Спасибо, – ответил я, но это короткое слово вряд ли могло выразить все мои чувства.

Мама очень удивилась, увидев меня на пороге. Когда я въехал в коридор, заставленный разными по размерам коробками, на душе сделалось пусто. Здесь прошло моё детство. Было жаль расставаться с ним. Запах, что витал в квартире, напоминал мне о папе.

Я не спал всю ночь. Мама, полагаю, тоже не могла заснуть. Я слышал, как она ходила по комнате, собирая остатки вещей. Должно быть, прощалась с прошлым, как и я.

Утром приехал какой-то мужчина. Мама представила его, как Михаила, бывшего хозяина квартиры, в которой нам предстояло жить. Михаил вызвался помочь с переездом. Это был мужчина, наверное, лет тридцати с небольшим. Я никогда не был силен в определении возраста. Михаил – высокий и ладно скроенный. Внешности самой средней. Надо ли говорить, что он мне сразу же не понравился. Особенно не понравилось, как он смотрел на маму. Оценивающе как-то смотрел. И всё время шутил. Благо, мама была слишком сосредоточена на переезде и мало обращала внимания на его каламбур.

– Осторожно, там фарфоровые тарелки! – крикнула она вслед уходящему Михаилу.

– Я буду очень нежен с ними! – прокричал он с лестницы.

Потом пришли двое грузчиков. Они выносили мебель – стол, гарнитур из кухни, затем кровати, диван. Михаил суетился рядом и командовал ими. Это раздражало меня ещё больше. Он вёл себя как член нашей семьи. Чтобы хоть как-то отвлечься я решил в последний раз выглянуть в окно и посмотреть на спортивную площадку. Она пустовала. Был будний день и ребята находились на занятиях в школе. Голуби, сбившись в стаю, пили из луж, образовавшихся за время ночного дождя – тоскливая картина.

Я взял коробку со своими вещами с подоконника и уже собирался выезжать, как в комнату вошёл новый друг нашей семьи – Михаил.

– Ты забыл что-нибудь? – его голос эхом разнёсся по пустой комнате.

Я ничего не ответил, лишь исподлобья глянул на него. Он посмотрел на меня снисходительно, как на неразумное дитя. Я вспылил и хотел выехать из комнаты, но застрял на пороге. Унизительно и обидно. Ведь я думал, что уже научился сносно управляться с инвалидным креслом, но сейчас не мог даже одолеть порог. Михаил, видя мои потуги, не спрашивая разрешения, приподнял коляску и помог мне выехать в прихожую.

– Спасибо, но я бы справился, – едва слышно буркнул я. Он, наверное, и не услышал.

Мама, увидев меня расстроенным, подошла и участливо заглянула в глаза. Меня, отчего – то разозлила такая трогательная

тельная забота.

– Давай мне свою коробку, – ласково сказала она.

– Я справлюсь, – прозвучало грубо. Я не хотел обидеть маму, но она должна была понять, что я могу сам донести эту маленькую коробку до машины. Ведь руки – то у меня целы.

– Действительно, пусть сам несёт. Он же пацан. Пацан справится, – вмешался Михаил.

Тем временем, вещи были перенесены в фургон. Пришла пора прощаться со старым домом. Здесь прошли все мои семнадцать лет. Это были счастливые годы. Уже переехав за порог, я оглянулся. Квартира была пуста – страшное зрелище. Мама продала её. Продала со всеми воспоминаниями. Здесь навсегда останется, по крайней мере, для меня душа отца. Он многое сделал сам в этой квартире, а мы бросали всё это.

Специально для меня мама вызвала социальное такси. Страх перед поездкой на автомобиле не исчез, а наоборот разросся до невероятных размеров. Мои ладони вспотели, и сердце билось часто – часто, совсем как у кролика. В детстве у меня был кролик по имени Банди. Он слыл хулиганом, но я очень любил его гладить и ухаживать за ним. Кролики от природы пугливые существа. Так вот, когда Банди пугался, я наблюдал за ним. Вернее за его пушистой рыжей шерсткой, что поднималась и опускалась в такт его сердцебиению – часто – часто. Так же и моё сердце, словно барабанная дробь, отсчитывало мгновения до судного часа. Я не хочу быть чёр-

товым кроликом. Хочу победить страх. Я дышал глубоко, вёл счёт вдохам и выдохам. И как ни странно, сердце успокоилось, когда я очутился в салоне металлического монстра.

Мама, как всегда была рядом, взяла меня за руку. Караван, состоящий из двух фургонов, одной легковой машины и социального такси, в котором, собственно мы и находились, тронулся, унося нас в будущее. Каким оно будет, я не желал представлять. Взглядом я провожал родные места, мысленно прощаясь с ними. Старые берёзы махали нам на прощание золотыми ветвями. Гибкие ивы грустно роняли листву, словно плакали, расставаясь с нами.

Когда мы выехали на автостраду, я задал маме вопрос, который уже давно занимал меня, но я не имел случая задать его.

– Мам, как прошли похороны отца?

Водитель с любопытством посмотрел на нас в зеркало заднего вида. По лицу матери, вдруг пробежала тень. Плечи поникли.

– Мам, если хочешь не говори, – я сжал ее руку.

– Нет, нет, всё в порядке, – глубоко вздохнув, ответила она и вновь выпрямилась, улыбнувшись. Только глаза выдавали печаль, что давно поселилась в её сердце.

– Пришло очень много людей проститься с ним. Погода, конечно, подвела. С утра лил сильный дождь. Но всё прошло хорошо – и похороны, и поминки, – она отвернулась от меня и стала смотреть в окошко. Я больше ни о чём не стал спра-

шивать и дорогу мы продолжили в молчании.

Новый дом

Наш новый дом располагался в старой части города, где жизнь считалась относительно недорогой. Здание было невысоким. Всего строение насчитывало пять этажей, и покрашено блекло – розовый цвет. Оно не произвело на меня такого отталкивающего впечатления как мой старый дом, и уж тем более не напоминало тюрьму, к тому же я заметил пандусы. А квартира располагалась, как говорила мама, на первом этаже. Эта малость меня порадовала. И я устыдился своей радости. Я стал предателем. Я предал память о старом доме. Я боялся предать память об отце.

Грузчики и Михаил споро разгружали машины с мебелью. Я предпочёл остаться на улице и осмотреться. Спортивной площадки рядом с домом не было. Имелась только маленькая детская песочница. Её окружал небольшой парк из берёз и пары тополей. Клумбы, как водится в большинстве российских дворишков, были сделаны из старых автомобильных шин. Цветы в них поникли.

– Ну что, огляделся? – я даже вздрогнул от неожиданности, услышав голос Михаила за спиной.

Я утвердительно кивнул, давая тем самым понять, что не намерен общаться с ним. Он пристально смотрел на меня, будто пытаюсь что-то понять.

Где-то вдалеке лаяли собаки. Солнце садилось, и его уже

не было видно из-за высоких крон деревьев. Свет его умирающих лучей таял в жёлтой листве. Стало холодать. Мы с Михаилом замерли на месте, сцепившись взглядами. Он был приветлив со мной, добр к маме, но я не хотел, чтобы этот человек находился с нами рядом.

– Пошли, твоя мама зовёт ужинать, – Михаил первым отвёл глаза и прервал молчание. – Тебе помочь?

Я рассчитал то расстояние, что предстояло преодолеть (а я отъехал от дома довольно далеко), вспомнил о пандусе и согласился принять помощь Михаила. Мы очень быстро оказались у дверей квартиры. Вот он – новый дом. Мною овладело волнение, ведь ещё никогда я не переезжал на другое место. Михаил нажал на кнопку звонка. Мама распахнула дверь и улыбнулась. Она уже успела распаковать тарелки и чашки. На плите одиноко стояла кастрюлька с чем-то вкусным. Аппетитный аромат заполнил кухню. Я почувствовал, что голоден. Однако то, что мама пригласила Михаила поужинать с нами, значительно испортило мне настроение. Они о чём-то разговаривали, но я ничего не слышал. Злость кипела во мне. Как может мама общаться с ним, с этим Михаилом, смеяться над его шутками? Неужели она забыла отца?

Я, молча, ковырялся в тарелке, лишь изредка кидая на них хмурые взгляды. Когда Михаил ушёл восвояси, а мама стала убирать со стола, я решил осмотреть новое пристанище. Раньше мы жили в трехкомнатной квартире, эта квартирка была двухкомнатной и значительно уступала по пло-

щади старой. Но здесь большие окна и высокие потолки, что делало комнаты светлыми и просторными.

Как странно видеть наши прежние вещи тут. Некоторые коробки ещё не распакованы. Работы хватит на несколько дней.

Перед сном ко мне в комнату зашла мама. Она выглядела уставшей.

– Что случилось с тобой сегодня? Тебе не кажется, что ты вёл себя невежливо? – спросила она, присаживаясь на кровать, которую я застелил не слишком аккуратно. Вернее сказать, вообще не застелил.

– Ты забыла отца? – спросил я и с трудом отвернулся к стенке, чтобы она не видела выступивших слёз в моих глазах.

– Нет, что ты? Как ты можешь говорить такое? – обиженно произнесла мама.

– Ты была так любезна с Михаилом, – ехидно прозвучало из моих уст.

– Михаил – хороший человек, согласился помочь нам. И вообще такими словами ты меня обижаешь, – я почувствовал, как она встала, затем услышал, как закрыла дверь. Я остался один на один со своими мыслями, которые не давали мне спать.

Встав утром, я нашёл маму в гостиной, которая одновременно служила её спальней. Мама старательно мыла пол. Но я заметил – её глаза опухли и покраснели. Она всю ночь проплакала. Чёрт, кажется, вчера я перегнул палку.

Признавать свою вину всегда сложно. Чтобы унять волнение, я взял тряпку и принялся протирать полки шкафа, настолько усердно, насколько это позволяло моё состояние. Я довольно быстро закончил с теми полками, до которых достал. Потом я начал распаковывать фарфоровый сервиз, подаренный маме и папе на свадьбу. Мама им всегда гордилась. Этот белоснежный сервиз стал атрибутом праздничного стола в нашей семье.

– Мама, прости меня, – тихо вымолвил я, наконец, собравшись с силами.

Она посмотрела на меня и ничего не сказала. Но я понял, мама уже простила меня.

Лицей

Вот и наступил мой первый учебный день в этом году. Я не представлял, как он пройдёт. Едва ступив, вернее заехав на школьный порог, я понял, что всё будет куда сложнее, чем я мог вообразить.

Во-первых, это был лицей. Значит, все мальчишки и девочки ходили в школьной форме. Я не носил школьной формы ни разу в жизни. Форма делала нас неразличимыми и лишала индивидуальности.

Во-вторых, такое обилие пышущих здоровьем и весельем ребят повергало меня в меланхолию. Надо сказать – я никогда не отличался весёлым нравом, и, пожалуй, трудно сходился с людьми. Да и инвалидное кресло не добавляло мне обаяния.

Сейчас, когда я простился с мамой, мне стало неловко, что в школу меня привела именно она. Ведь я уже взрослый. Сердце вновь забилося как барабан, живо напомнив о кролике Банди.

– Я не кролик, я не кролик, – чуть слышно бормотал я, стараясь глубоко дышать.

Медленно я поехал по школьному коридору. Добравшись до расписания, я заметил, что ребята, которые стояли там и весело болтали, вдруг замолкли и расступились. Я чувствовал себя неуклюже. На меня смотрели как на новую школь-

ную достопримечательность. Я не мог сосредоточиться, чтобы найти в расписании номер кабинета, где должны были проходить занятия.

– Ты, наверное, Голубев Максим? – спросил приятный женский голос у меня за спиной.

– Да, – ответил я, разворачивая коляску. Перед собой я увидел типичную учительницу в строгом костюме с простой прической каре и очками на носу.

– Меня зовут Лидия Николаевна, я твой классный руководитель, – улыбнувшись, сказала она. – Я покажу, где находится твой класс.

Прозвенел звонок и школьный коридор опустел. Смолк гул юношеских голосов. Казалось, в школе остались только мы двое – я и Лидия Николаевна. Она шла медленно, потому что я ехал неспешно рядом. Незнание пугало меня. Наконец, на пороге кабинета, где проходили занятия по биологии, нас встретила другая преподавательница. Это была женщина средних лет с добрыми глазами, но абсолютно невыразительной внешностью. Лидия Николаевна попрощалась и ушла.

Класс 11 «Б», в котором мне предстояло учиться, был немногочисленным. Всего я успел насчитать двенадцать человек. Девочек и мальчиков поровну.

Учительница Наталья Ивановна представила меня классу. Вдруг меня сковала неуверенность. Я смотрел куда угодно – в окно, на учительский стол или на свои руки, но только

не на лица новых одноклассников. Я боялся прочесть в их глазах жалость или омерзение.

– Ребята уберите у этой парты стул, – учительница указала на первую парту третьего ряда, которая в данный момент пустовала.

Класс выглядел просторным и светлым. А на стене рядом с обычной зелёной доской висела интерактивная. В той школе, где я учился раньше, мела то не всегда хватало, не говоря уже о наличии супермодной интерактивной доски. За партами ученики сидели по одному.

Парень со второй парты, следующей прямо за моим учебническим местом, убрал стул и поставил его рядом со шкафом, на полках которого ровными рядами составлены учебники и энциклопедии.

Я сел за парту и повернулся, чтобы поблагодарить одноклассника:

– Спасибо, – тихо шепнул я, стараясь не привлекать к себе внимания.

– Да не за что. Я – Колян, – лихо, улыбнувшись, ответил парень. Над его верхней губой пробивались тонкие усики.

– Макс, – я протянул ему руку, но Коля не успел пожать её.

– Знакомиться будете на перемене, – сурово проговорила Наталья Ивановна.

И мы, стараясь больше не навлекать на себя гнев учительницы, сидели спокойно, как подобает примерным ученикам. Однако мне нужно было достать тетради и пока я доставал

их, кто-то с задних парт шепнул:

– Нас теперь тринадцать – чёртова дюжина, – голос принадлежал девушке.

– Нет, нас двенадцать с половиной, – громко ответил смазливый парень, которой сидел на задней парте второго ряда. Класс взорвался от дружного хохота.

– Слава Тёткин, ещё одно замечание и будешь биологию изучать в коридоре, – Наталья Ивановна повысила голос и строго посмотрела на нарушителя дисциплины. Тот сделал виноватый вид, но всё же кинул насмешливый взгляд в мою сторону.

Я сделал вид, что ничего не услышал, но эта нелепая и жестокая шутка больно кольнула моё самолюбие. Я захотел убежать, скрыться подальше от мира, чтобы никто не видел моей немощи. Сердце готово было рвануть из груди. Кровь прилила к лицу, в ушах стоял такой шум, что я не мог ни на чём сосредоточиться.

«Я не кролик, я не кролик» – мысленно повторял я.

Никому не позволю сбить меня с пути. И не буду обращать внимания на чьи-то глупые шутки и насмешки. Я окончу эту чёртову школу. И тут сердце замерло, словно не выдержав такого напряжения, и стало биться как обычно. Я смог сконцентрироваться и услышал, что тема занятия – ДНК человека. Наталья Ивановна так преподносила материал, что он сумел захватить меня, и я не заметил, как быстро пролетел урок.

Прозвенел звонок. Одноклассники дружной гурьбой высыпали из класса. Я остался один в кабинете. Отчуждение – вот, что я чувствовал. Я никогда не был так одинок. Кажется, весь мир сузился до маленькой болевой точки. Этой точкой был я. Я выдержу. Я всё выдержу, я должен жить ради мамы. Папа бы очень этого хотел.

Моя тетрадь к концу перемены превратилась в комикс. Я машинально рисовал какие-то каракули. Оторваться от рисования смог лишь тогда, когда в класс вошла девушка, моя одноклассница. Словно на бrenную землю с небес спустился самый нежный ангел с льняными волосами, пушистыми черными ресницами и лукавыми карими глазами. Девушка с гордостью носила школьную форму, можно было подумать, что эту одежду для неё сшил знаменитый кутюрье. Она так улыбалась, что на душе становилось теплее. Кажется, я пропал... Эта улыбка предназначалась не мне. Следом за ней в кабинет влетел Слава. Тот самый, что считал меня человеком только наполовину. Они даже не посмотрели в мою сторону. Это напомнило классический сюжет любовного романа, согласно которому она вряд ли посмотрит на меня.

Первый учебный день пролетел незаметно. Признаться, я ждал его конца. Адаптация к новому коллективу и моему физическому состоянию давалась тяжело.

Мама встречала меня после занятий. Она старалась выглядеть весёлой и бодрой, но я знал, как она несчастна. Я понял – мы опять будем играть в ту игру, по правилам кото-

рой у нас всё замечательно.

– Как прошёл день? – с улыбкой спросила она.

– Всё хорошо, – спокойно ответил я, пытаясь скрыть свою грусть.

Когда мама везла меня по школьному дворику, я увидел своих одноклассниц. Я увидел её. Ту девушку, что напонила мне ангела. Ее имени я не знал, поэтому называл её Ангелом. Она стояла вместе с другими девочками. Они смеялись и щебетали, словно птички. Потом одна из них с ярко рыжими волосами, что была с краю, достала из кармана пачку сигарет и закурила, затем передала сигарету моему Ангелу. Они заметили, что я наблюдаю за ними. И теперь их лукавые юные глаза испытующе смотрели на меня. Я не выдержал и отвернулся, но слышал, как они смеялись.

Господи, дай мне терпения. Что там говорилось про ДНК? Маленькая клеточка хранилища генетической программы, что копилась тысячелетиями. Не думай о них, не думай о тех людях, которые унижают тебя. Всё от того, что они не понимают какво это быть таким. Как не озлобиться? Как не пасть духом? Я не знал ответов на эти вопросы.

Дорога до дома была недолгой. Мы жили всего в двух кварталах от лица. Мама нашла новую работу с укороченным рабочим днём и такой же укороченной зарплатой. Бухгалтерия не была ее призванием. Она считала свою работу скучной рутинной. Бумаги и цифры, снова цифры и бумаги. Посему мама старалась добавить творчества в свою жизнь.

Раньше она занималась танцами, теперь же её страстью стало рисование.

Мечта

Я боялся, что моя жизнь будет пустой. Нет ничего хуже одинаковых быстротечных дней прожитых зря. Я старался наполнить каждый свой день чем – то новым. Изучение английского языка, чтение классической литературы занимало практически всё свободное время, но самый большой интерес для меня представляла генная инженерия. Как вы понимаете, времени на депрессию у меня не оставалось.

Однажды утром я смотрел телевизор. Кажется, это был канал Дискавери. Передача, посвящённая парашютному спорту, чрезвычайно взволновала меня. Я зажёгся, как новая лампочка. Вот оно!!! Я хочу увидеть мир с высоты птичьего полета. Как тогда – в реанимации. Возможность, дарующая безграничную свободу, взбудоражила меня. Хотелось вновь испытать эти ни с чем несравнимые ощущения.

Но как это сделать? Идея фикс овладела целиком и не давала покоя. Пожалуй, моя мечта может оказаться несбыточной.

– Мам, я хочу прыгнуть с парашютом, – я всё-таки не удержался и озвучил свою задумку маме.

Мы завтракали. Она поперхнулась горячим кофе. Откашлявшись, мама сказала:

– Похвальное желание, – было видно, что она сдерживала улыбку, – но сынок, как ты себе это представляешь? Ведь на

коляске это сложно будет сделать.

– Спасибо, мама, а то я не заметил, что я в инвалидном кресле. В следующий раз скажу врачу, вдруг он тоже не знает, – прошипел я и, бросив вилку на стол, уехал из кухни.

Когда-нибудь я прыгну с парашютом, и никто уже не посмеет смеяться надо мной. Удобно устроившись у окна, я стал читать книгу по генной инженерии.

Дезоксирибонуклеиновая кислота – макромолекула обеспечивающая хранение и реализацию генетической программы. То есть миллионы, даже миллиарды клеток нашего организма несут единую генетическую информацию. Меня завораживал этот дивный мир. Я мог с ясностью представить себе каждую из миллиардов частичку. ДНК была открыта в 1869 году Иоганном [Фридрихом Мишером](#). Из остатков клеток содержащихся в гное он выделил нуклеин. Я представлял себе лабораторию конца шестидесятых годов девятнадцатого века. Старинные микроскопы, мягко мерцающий огонёк свечи и азарт первооткрывателя. Делать что-то, что никто до тебя не делал, открыть что-то, чего никто до тебя не знал – вот моё желание. Может быть, я смогу придумать, как решить мою проблему.

В среду мы с мамой были у врача-нейрохирурга. Доктор сказал, что нет никакой надежды, что я смогу стоять на ногах и ещё одна операция вряд ли поможет.

Мама только всхлипнула, ничего не сказав. У меня же было ощущение, что этот и без того маленький медицинский

кабинет стал ещё меньше. Меня пытались выдвинуть из жизни, словно я стал лишним.

Врач, как ни в чём не бывало, спокойно продолжил давать нам с мамой рекомендации. Он сказал, что если я буду заниматься спортом, то смогу укрепить мышцы рук и спины. Я не мог сосредоточиться на том, что он говорил. Слова его казались мне размытым неясным шорохом. Мама же внимательно слушала его и временами что-то записывала в ежедневнике.

Неожиданность

Учёба давалась мне легко. Я предпочитал биологию и информатику. Ребята часто списывали у меня, однако никто из них не горел желанием общаться со мной. Даже Ангел, моя одноклассница, которая звалась на самом деле Анжелой, здоровалась со мной со снисхождением. Но я был рад и этой мелочи. Украдкой я любовался ею. Она же была влюблена в Славу. У меня не осталось ни единого шанса добиться от неё взаимности.

Однажды после уроков, когда одноклассники спешили домой, а мама за мной ещё не пришла, я решил прогуляться по лицу. Коридоры пустовали. Лишь изредка мне встречались младшие школьники или учителя. Я наткнулся на спортивный зал и решил туда заглянуть. Двери открыты, хотя там никого не было. Я въехал в спортзал. Колеса коляски скрипнули, и этот скрип эхом отбился от стен и разлетелся по пустому помещению. Я воровато оглянулся на дверь. Вдруг кто-то придёт и нарушит моё уединение. Но никто не появился и я успокоился. Здесь имелись баскетбольные корзины. Это хорошо, ведь я очень любил баскетбол. На скамейке я заметил несколько волейбольных и баскетбольных мячей. Я медленно подъехал к скамье и взял баскетбольный мяч. Это удивительно, но я ощутил руками энергию, исходившую от него. У меня давно не было практики. Я неловко вёл мяч к корзине,

одной рукой толкая инвалидное кресло вперёд. Бросив мяч в корзину, я промахнулся. Но я не собирался останавливаться и решил продолжить, во что бы то ни стало свои тренировки.

После этого случая я стал часто навещать спортзал. Благо, его никогда не запирали на ключ. Я вёл мяч от одной корзины к другой. С упорством достойным всех вместе олимпийских чемпионов взятых, я бросал баскетбольный мяч в корзину. В основном я промахивался, но иногда капризная удача улыбалась мне, и я попадал в цель. Сегодня был мой счастливый день! Я забил трёхочковый.

– Хорошо, очень хорошо, – прозвучал за моей спиной чей-то голос, заставивший меня вздрогнуть. Застигнутый врасплох, я чувствовал себя как нашаливший ребенок. Голос, отчего – то показался мне знакомым. Я ловко развернул коляску готовый дать отпор. И кого бы вы думали, я увидел перед собой? Михаил, собственной персоной. Тот самый, что продал нам квартиру и затем помогал с переездом.

– Вы меня преследуете? – вместо приветствия сказал я. Кто-то давно изрек, что лучшая защита – это нападение, и я решил последовать этому совету.

– Нет, я здесь работаю, – улыбнувшись, ответил Михаил на мой выпад.

Вот тебе раз!!! Этого я никак не ожидал. Но моё замешательство длилось недолго. Я бросил мяч на пол и уже собирался уехать, как вдруг Михаил окликнул меня:

– Разве ты пришёл сюда не для того, чтобы заниматься

баскетболом? – в голосе Михаила прозвучала нотка вызова.

Но я испугался. Испугался того, что не смогу достойно ответить, не смогу сделать всё как надо. Я покинул спортзал, ничего не сказав и не приняв вызов, брошенный мне Михаилом. Бежал, как трус с поля брани, как чёртов дезертир.

Надо сказать, что чувствовал я себя после этого не важно. Потом весь день я представлял себе, что наконец-то встал. Я вновь одержимо заставлял себя шевелить пальцами ног, бил себя по икрам. Но мои попытки были жалкими и остались без успеха. Я злился. На себя, на отца, на маму, на Михаила, на ту проклятую машину, что вынырнула со встречной полосы. Я был зол на весь мир. И эта злость заставила меня прийти в спортивный зал на следующий день. Как раз в этот момент проходили занятия у моего класса. Ребята играли в волейбол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.